

В. П. ГРИГОРЬЕВ

ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ СЛОЖНЫЕ СЛОВА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В процессе заимствования в словарный состав заимствующего языка попадают и укрепляются в нем не только корневые и производные, но и сложные слова других языков. Словарный состав современного русского языка содержит немало таких иноязычных сложных существительных, как *галстук*, *рейшина*; *маршрут*, *кастет*; *вокзал*, *трамвай*; *лакмус*; *локомотив* и т. п., которые никак не обнаруживают сложности своего состава и по существу ничем не отличаются от заимствованных простых корневых существительных¹.

Довольно многочисленные случаи более «трудной» судьбы заимствованных сложных существительных не нарушают общей тенденции к утрате их составными частями словообразовательной активности. Так, заимствование русским языком слова *курзал* привело не к оживлению состава слова *курорт*, а лишь к тому, что *курзал* с течением времени переосмыслилось как сокращение *кур(ортный) зал* или по крайней мере получило возможность такого переосмысления. Даже в том случае, когда заимствуется целый ряд слов, объединяемых какой-либо общей для них основой языка-источника, словообразовательная активность их частей обычно не оживает. Ср. *авангард* — *арьергард*, *крепдешин* — *файдешин*, *кашине* — *пенсне*, *маникюр* — *педикюр*, *портмоне* — *портплед* — *портсигар* — *портфель* — *портшез*; *трагедия* — *комедия*; *баскетбол* — *бейсбол* — *волейбол* — *футбол* — *хандбол* — *пушбол*; *портвейн* — *глинтвейн* — *рейнвейн* и т. п.

Если отвлечься от случаев типа *портмоне* — *портфель* и под., т. е. от сложных заимствований с повторяющейся первой частью, то в отношении остальных из перечисленных слов и им подобных следует отметить, что в них вторые компоненты, поскольку они повторяются, обладают первичной, простейшей морфологической выделяемостью². Однако никакой словообразовательной роли такие компоненты не играют. Для того чтобы осуществились их словообразовательные потенции, компоненты *-гард*, *-бол* и под. должны получить способность к новообразованиям в заимствовавшем их языке³.

¹ Слово *фартук*, например, не ассоциируется с *галстук*; *рейшина* не связана с *шина*; у слова *вокзал* отсутствуют связи с *зал* и т. д. См. также Л. П. Ефремов, Освоение заимствованных слов русским языком, «Уч. зап. Казах. гос. ун-та им. С. М. Кирова», т. XXV — Язык и литература, Алма-Ата, 1957, стр. 82.

² Точно так же обстоит дело с такими «суффиксами», как *-инг* (в *блужинг*, *дансинг*, *демпинг*, *крекинг*, *митинг*, *пудинг*, *смокинг*), выделяемыми «только этимологически». См. Е. М. Галкина-Федорук, Современный русский язык. Лексика, М., 1954, стр. 107.

³ Для признания слов типа *волейбол*, *футбол* и под. сложными существительными русского языка не больше оснований, чем для включения в состав суффиксов морфем *-еря* (*галантереря*, *галерея*, *лотерея*, *оранжеря*) или *-тива* (*инициатива*, *инициатива*, *прерогатива*), как это было сделано акад. В. В. Виноградовым в «Русском языке» (М.—Л., 1947) и от чего он справедливо отказался в своих последних работах по словообразованию. Иноязычные морфемы *-бол* и *-еря*, в отличие от *-фикация* и *-изм*, однаково не являются словообразовательными средствами современного русского языка. Их нельзя признать и непродуктивными заимствованными элементами, поскольку в русском языке они никогда не обладали продуктивностью. Ср., однако, *авиобол* у Маяковского.

Одного же факта совпадения основ заимствованных слов типа *бизнесмен*, *клубмен*, *конгрессмен* с реально бытующими в современном русском языке словами *бизнес*, *клуб*, *конгресс* еще недостаточно, чтобы можно было выделить в русском языке морфему *-мен* в качестве активной словообразовательной единицы¹.

Можно отметить немало случаев, когда вторые части заимствованных сложных существительных действительно — по различным причинам и в разной степени — получают в современном русском языке словообразовательную активность². Ср., например: *ипподром*, *аэродром* и *планеродром*, *велодром*, *танкодром*, *ракетодром*; *библиотека*, *глиптотека*, *пинаотека* и *игроотека*, *инструментотека*, *картотека*, *фильмотека*; *семафор* и *электрофор*, *светофор*; *галоид*, *дифтонгоид*, *соленоид* и *металлоид*, *суффиксоид*; *телефон*, *микрофон*, *граммофон*, *патефон*, *саксофон*, *ксилофон*, *мегафон* и *магнитофон*, *электрофон*, *таксофон*, *металлофон*, *шлемофон* («Правда» 7 VIII 1955); *биолог* и *текстолог*, *методолог*; *телеграф*, *географ* и *туманограф*, *цинкограф*; *гигрометр* и *газомер*; *микроскоп* и *спектроскоп*; *линолеум* и *торфолеум* и т. п.³.

Такого рода процессы, как известно, наблюдаются во многих языках мира, в связи с чем в русской грамматической науке подобные слова в последнее время и квалифицируются обычно как «интернациональные сложные слова». Однако еще в «Русском языке» акад. В. В. Виноградова многие из них получали иную словообразовательную характеристику и описывались как суффиксальные (см. ниже). Сам термин «интернациональные сложные слова» вошел в научный обиход без какого-либо теоретического обоснования, опирающегося на конкретный анализ слов типа *телеграф*, *спектроскоп*, *диалектология*, *славянофильство*, *сахариметр* и др. под. Поэтому, чтобы вскрыть природу словообразовательной активности вторых частей «интернациональных сложных существительных», подобных перечисленным в предыдущем абзаце, необходимо прежде всего попытаться описать в общих чертах наиболее обширные их группы⁴.

-граф

1. Посредством морфемы *-граф* образуются названия приборов, большей частью но далеко не всегда) самопишущих, точнее, автоматически действующих, например: *анемограф*, *виброграф*, *гектограф*, *кардиограф*, *кимограф*, *курсограф* (ср. *одограф*), *метеорограф*, *миограф*, *пантограф*, *сейсмограф*, *стеклограф*, *телеграф*⁵, *фонограф*, *эллипсограф* и т. п., а также названия фотоаппаратов специального назначения, например: *астрограф*, *гелиограф*, *спектрограф*. В отдельных словах первая часть имеет в исходе не *-о* (*-е*), а *-и*: *альтиграф*, *лимниграф*.

В постановке ударения (всегда неподвижного) наблюдаются значительные колебания⁶. Большой частью оно приходится на «соединительный гласный». Однако в ряде случаев (*альтиграф*, *интеграф*, *курсограф*, *ондограф*, *эрвограф* и др.), по-видимому, сказывается, с одной стороны, влияние наиболее «частотного» из данной группы слова *телеграф*, а с другой — тенденция к разгравичению по ударению со следующей группой.

¹ Или чтобы на основе соотношения: *рекорд* — *рекордсмен*, *спорт* — *спортсмен*. *ялта* — *ялтсмен* выделить морфему *-смен*. Ср. также *джентльмен*, *лайнсмен*, *полисмен*.

² Отдельные из приводимых далее слов (в каждом ряду соответствий после «и») при тщательном прослеживании их индивидуальной истории, возможно, окажутся заимствованиями (например, *велодром*), но это не может нарушить общей картины.

³ Ср. *баритон* и разг. *козлитон* (или *козлетон*), *пропитон*, а также окказиональные образования у Маяковского: *азросипеды* (по образцу *велосипеды*; *VELO* — *азро*) и у В. Бианки: репортаж со стадиона *Жукамо* (по образцу *Динамо*).

⁴ О понятии интернационализм см. ниже, стр. 77. От роли «соединительного гласного» в данном случае можно отвлечься. См. V. P. Grigorjev, Pri «kuniņa vokalo» en moderna tusa lingvo, «Sciencaj studoj», Kopenhago, 1958, стр. 37—41 и Н. М. Шанский. О соединительной гласной как словообразовательной морфеме, «Р. яз. в шк.», 1958, № 5, стр. 30—35.

⁵ Слово *телеграф* в настоящее время обозначает также учреждение, занимающееся отправлением и приемом телеграмм.

⁶ Данные относительно места ударения берутся из «Словаря иностранных слов» под ред. И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова (М., 1949), а также из «Словаря русского языка» С. И. Ожегова.

2. Посредством оморфемы *-граф* образуются названия специалистов в различных отраслях науки и культуры (большей частью — описательных и прикладных), например: *археограф*, *библиограф*, *биограф*, *географ*, *гидрограф*, *изограф*, *историограф*, *картограф*, *ксилограф*, *лексикограф*, *литограф*, *палеограф*, *стенограф*, *типограф*, *топограф*, *фотограф*, *этнограф*¹.

Ударение неподвижное — на «соединительном гласном». Исключения представляют заимствования *каллиграф* и *логограф*. Последнее слово, кроме того, в отличие от всех остальных слов этой группы, не соотносительно с существительным на *-ия*.

3. Небольшую замкнутую группу иноязычных слов с морфемой *-граф* во второй части образуют названия различного рода надписей, текстов: *автограф*, *параграф*, *хронограф*, *эпиграф*. Обыняком стоит *зодограф*.

Ударение неподвижное — на «соединительном гласном».

-графия

В современном русском языке представлены три группы существительных с *-графия* во второй части.

1. Самая крупная группа объединяет названия вспомогательных, большей частью описательных, научных дисциплин (или их разделов), например: *ампелография*, *ареография*, *археография*, *библиография*, *демография*, *диалектография*, *зоография*, *иконграфия*, *ихтиография*, *космография*, *кристаллография*, *лексикография*, *нозография*, *номография*, *океанография*, *органография*, *орография*, *остеография*, *палеография*, *петрография*, *рентгенография*, *селенография*, *стратиграфия*, *топография*, *уранография*, *этнография*.

Многие из слов этой группы соотносительны с названиями различных научных дисциплин более общего характера, имеющими в своем составе *-логия*. Ср. *диалектография* — *диалектология*, *космография* — *космология*, *лексикография* — *лексикология*, *остеография* — *остеология*, *петрография* — *петрология*, *рентгенография* — *рентгенология* (ср. *рентгеноскопия*) и т. п. Иного рода соотношение наблюдается в случае *археография* — *археология*. Слова, составляющие такие пары, как *аэрография* — *аэрология* или *океанография* — *океанология*, употребляются до известной степени синонимически², а в слове *кристаллография* часть *-графия* совпадает по значению с *-логия*³.

Ударение неподвижное — на первом гласном морфемы *-графия*.

2. Во вторую группу, которая выделяется менее четко, чем первая, а в известной мере и перекрещивается с ней, входят преимущественно названия различных процессов или способов изображения, воспроизведения чего-нибудь (или посредством чего-нибудь, на чем-нибудь и т. п.), например: *аэтография*, *альграфия*, *бронхография*, *кардиография*, *кслография*, *лентианография*, *радиография*, *стеклография*, *фотография*, *хореография*, *циклография*, *цинкография* и т. п.

Вторично слова этой группы могут развивать значения предмета (*биография*, *монография*, *олеография*, *фотография* и др.), отрасли культуры или производства (*кинематография*, *полиграфия*, *хореография*), места (*литография*, *типография* и др.), вида литературы (*агиография*, *порнография*) и — переходя в состав первой группы — значение отрасли научного знания (*рентгенография*).

Ударение — такое же, как в первом типе⁴.

3. Особую группу слов с *-графия* во второй части образуют названия различных систем, типов или способов письма, например: *брахиграфия*, *идеография*, *какография*, *каллиграфия*, *криптография*, *орфография*, *пазиграфия*, *пиктография*, *стенография*, *тахиграфия*, *фонография*.

Ударение — такое же, как в первых двух типах.

-метр

1. Посредством морфемы *-метр* образуются названия различных измерительных приборов и инструментов, например: *актинометр*, *акселерометр*, *амперметр*, *анемометр*, *антропометр*, *арифмометр*, *аэрометр*, *барометр*, *ботометр*, *вакууметр*, *ваттметр*, *виброметр*, *вольтметр*, *газомер*, *гальванометр*, *гелиометр*, *гигрометр*, *детониметр*, *динамометр*, *интерферометр*, *куметр*, *люксметр*, *магнитометр*, *манометр*, *микрометр*, *омброметр*, *педометр*, *поляриметр*, *радиометр*, *спектрометр*, *термометр*, *тонометр*, *фазометр*, *фонометр*, *фотометр*, *хронометр* и др.

¹ В академическом «Словаре современного русского литературного языка» (т. III, стр. 374) при описании морфемы *-граф* разграничены названия лиц, занимающихся «изучением, описанием» (*библиограф*, *кристаллограф* и т. п.), и названия лиц, занимающихся «графическим воспроизведением» (*типограф*, *фотограф*, *цинкограф* и под.). Второй из этих подтипов уже, чем первый.

² Показательным для характеристики значения *-графия* является тот факт, что, например, слово *океанография* может рассматриваться как синоним слова *мореведение* (см. «Словарь иностранных слов», М., 1949, стр. 453).

³ Слово *кристаллология* вообще отсутствует (см. БСЭ², т. 23, стр. 413 и сл.).

⁴ Мнимым исключением является слово *телеграфия* «телеграфное дело», не относящееся к данной группе, поскольку в нем в качестве второй части выделяется не *-графия*, а только *-ия*. Ср. *телефон* — *телефония*. Едва ли можно согласиться с рекомандацией *полиграфия* в книге «Русское литературное ударение и произношение. Опыт словаря-справочника» (М., 1955) и в БСЭ² (т. 33, стр. 535). Такое ударение, видимо, факт одного порядка с *дббыха*, *комплас* и под.

В качестве «соединительного гласного» нередко выступает не *-о(-е-)*, а *-и-*, например: *альтиметр*, *калориметр*, *курвиметр*, *сахариметр*; в ряде случаев «соединительный гласный» вообще отсутствует: *амперметр*, *ваттметр*, *векторметр*, *люксметр*, *омметр* и др. Примечательным является факт различия названий, близких по назначению приборов, посредством дифференциации «соединительных гласных»: *таксиметр* — *таксометр*, *тахиметр* (*тахеометр*) — *тахометр*. Ср. также противопоставление *вольтаметр* — *вольтампер*.

В постановке ударения наблюдается известная непоследовательность. Ср., с одной стороны, *альтíметр*, *арифмóметр*, *вибрóметр*, *динамóметр*, *спектрóметр* и др., а с другой — *детонóметр*, *дозимéтр*, *магнитóметр*, *тономéтр* и т. д. Однако можно отметить тенденцию к унификации за счет передвиги ударения в словах типа *магнитóметр* на «соединительный гласный»: *магнитóметр*¹. Лишь подтип слов без «соединительного гласного» (*амперметр*, *вольтметр*, *куметр* и под.) сохраняет ударение на *-метр*².

2. Все остальные слова с *-метр* во второй части представляют собой заимствования: *парáметр*, *перимéтр*, *пентáметр*, *тетрáметр*, *тримéтр* — и к описываемому типу не относятся. Особняком стоит заимствованное же слово *геомéтр* соотносительное с *геометрия*.

-метрия

Часть *-метрия* имеют в своем составе названия различных вспомогательных (большей частью прикладных) научных дисциплин, связанных с измерительными процессами, а также названия самих способов научного анализа и измерения тех или иных объектов. При этом различие в значении и в образовании между названиями научных дисциплин, с одной стороны, и названиями способов или методов научного исследования — с другой, нередко соотносительными с названиями соответствующих приборов, в ряде случаев совершенно неумовимо, так что едва ли есть необходимость в дробной классификации, которая неизбежно оказалась бы весьма произвольной.

Ср. названия дисциплин: *актинометрия*, *альтиметрия*, *анемометрия*, *астрометрия*, *геометрия*, *гидрометрия*, *гипсометрия*, *гравиметрия*, *дендрометрия*, *дозиметрия*, *калориметрия*, *картометрия*, *краниометрия*, *лонгиметрия*, *магнитометрия*, *планиметрия*, *радиометрия*, *сейсмометрия*, *стереометрия*, *термометрия*, *тригонометрия*, *фотометрия*, *электрометрия* и т. п. и названия вспомогательных методов научного анализа: *аксонометрия*, *алкалиметрия*, *алкоголиметрия*, *антропометрия*, *ацидиметрия*, *батиметрия*, *биометрия*, *идометрия*, *колориметрия*, *микрометрия*, *нитрометрия*, *одориметрия*, *оксидиметрия*, *пирометрия*, *тензиметрия*, *трибометрия* и т. п.

Ударение неподвижное — на *-мéтрия* (но см. БСЭ², т. 51, стр. 11, 57).

-скоп

Многие названия оптических и других приборов и инструментов образуются посредством использования морфемы *-скоп*, например: *гирóскоп*, *дефектóскоп*, *калейдóскоп*, *ларингóскоп*, *микрóскоп*, *овóскоп*, *осциллóскоп*, *полярíскоп*, *синхронóскоп*, *спектроскоп*, *стереоскоп*, *стетоскоп*, *телескоп*, *хроноскоп*, *эндоскоп* и т. п.

Ударение неподвижное — на *-сκόп*.

-скопия

Существительные, содержащие часть *-скопия*, образуют названия некоторых методов научного, технического или врачебного исследования, обычно при помощи соответствующих (главным образом оптических) приборов, например: *бактериоскопия*, *бронхоскопия*, *дерматоскопия*, *дефектоскопия*, *микроскопия*, *рентгеноскопия*, *риноскопия*, *фарингоскопия*, *цистоскопия*, *эбуллиоскопия*, а в отдельных случаях — и названия разделов научных дисциплин, например: *дактилоскопия*, *спектроскопия*.

Ударение неподвижное — на *-йя*.

-фил, -фильство, -филья

Посредством морфемы *-фил* образуются две группы существительных. Первую из них составляют названия лиц, проявляющих склонность, расположение, любовь к чему-либо, что выражено первой частью соответствующего слова, например: *ангелóфил*, *библиофил*, *германофил*, *полонофил*, *русóфил*, *славянофил*, *туркофил*, *украинофил*, *цыгаинофил*, *юдофил*. Другая группа объединяет названия различных объектов научного, главным образом биологического и химического, исследования, например: *анемофилы*, *базофилы*, *гемофилы*, *гидрофилы*, *омброфилы*, *термофилы*.

Выделение этих групп опирается и на различия между соотносительными с ними группами существительных на *-фильство* и *-филья*, обозначающих: первые — обществен-

¹ В различных словарях одно и то же слово с *-метр* во второй части нередко приводится с самыми различными указаниями относительного ударения. Ср., например: *газóметр* («Словарь иностр. слов», 1949), — *газбéтр* (словарь под ред. Ушакова) — *газбметр* (БСЭ²); *сахаримéтр* (словарь Ушакова) — *сахарíметр* («Словарь иностр. слов», 1949) и т. п. Надо отметить, что в новом издании «Большой Советской Энциклопедии» почти во всех подобных случаях ударение приходится на «соединительный гласный».

² Хотя слова *сантимéтр*, *миллимéтр*, *киломéтр* и др. под. не относятся к описываемому типу, но показательно стремление к передвиге ударения и в этой группе: *просторечья*. *килобéтр* и под. (ср. С. И. Ожегов, Очередные вопросы культуры речи, сб. «Вопросы культуры речи», вып. 1, М., 1955, стр. 25).

ное течение, склонность, вторые — свойство или процесс. Ср. *библиофил* — *библиофильство*, *русофил* — *русофильство*, *славянофил* — *славянофильство* и *анемофилы* — *анемофилия*, *гемофилы* — *гемофилия*, *гидрофилы* — *гидрофилия*.

Ударение неподвижное — на *-фил*, *-фильство*, *-филия*.

-фоб, -фобство, -фобия

Аналогичная картина наблюдается в образовании существительных с *-фоб*, *-фобство*, *-фобия* во второй части, представляющих собой антонимы к соответствующим существительным с *-фил*, *-фильство*, *-филия*. Ср., с одной стороны, *англофоб*, *германофоб*, *женофоб*, *полонофоб*, *юдофоб* и *германофобство*, *юдофобство*, а с другой — *гидрофобы*, *омброфобы* и *гидрофобия*, *фотобобия* и т. п.¹.

Ударение неподвижное — на *-фоб*, *-фобство*, *-фобия*.

-лог.

1. Существительные с морфемой *-лог* во второй части образуют многочисленную группу названий лиц — специалистов в различных областях научного знания, например: *антрополог*, *археолог*, *дерматолог*, *диалектолог*, *зоолог*, *ихтиолог*, *одонтолог*, *орнитолог*, *офтальмолог*, *патолог*, *психолог*, *радиолог*, *санскритолог*, *синолог*, *социолог*, *таджиколог*, *физиолог*, *энтомолог*, *эпидемиолог* и т. п. Ср. также *идеолог*, *технолог*; *астролог*, *теолог* и под.

Все слова этой группы соотносительны с существительными на *-логия*.

Ударение неподвижное — на «соединительном гласном».

2. По выделении указанной группы существительных с *-лог* во второй части остается небольшая изолированная группа таких слов, как, например, *аполог*, *диалог*, *мартиролог*, *монолог*, *некролог*, *пролог*, *эпилог*. Все они служат названиями различных видов устной и письменной речи (но ср. *каталог*). От слов первой группы указанные слова отличаются и по ударению, которое падает на конечный слог. Однако живая практика употребления таких слов обнаруживает тенденцию к акцентологической унификации по образцу первой группы. Ср. просторечные *катáлог*, *монблог*, *некрблог*.

-логия.

1. С участием сложной морфемы *-логия* образована большая группа существительных — названий научных дисциплин, различных учений, а также их отделов и частей², например: *антропология*, *биология*, *геология*, *гибридология*, *гидрология*, *диалектология*, *египтология*, *зоология*, *ихтиология*, *криминология*, *кураторология*, *ларингология*, *лимнология*, *метрология*, *морфология*, *неврология*, *одонтология*, *орнитология*, *остеология*, *патология*, *помология*, *сейсмология*, *семасиология*, *синдесмология*, *синология*, *текстология*, *телеология*, *терминология*, *технология*, *токсикология*, *физиология*, *хронология*, *цитология*, *эмбриология*, *энтомология*, *этиология* и т. п.

Ударение неподвижное — на *-логия*.

2. Несколько слов с *-логия* во второй части образуют замкнутую группу, со стороны значения не представляющую единства: *автология*, *аналогия*, *антология*, *апология*, *гомология*, *тавтология*, *трилогия*, *тетралогия* и некоторые другие. В отношении ударения они не обнаруживают никаких особенностей по сравнению с первой группой.

*

Вскрыть природу словообразовательной активности описанных морфем — дело чрезвычайно трудное. Имея в виду именно подобные «интернациональные сложные существительные», А. И. Смирницкий писал: «...положение некоторых морфем в системе языка может быть вообще таким, что трудно определить, относятся ли они к числу корневых или аффиксальных. Вряд ли можно, например, с уверенностью определить, чем является морфема *-граф* в *телеграф*, *фотограф*, *географ*, *биограф*, *автограф* и т. п.: корневой морфемой или суффиксом и вообще одной и той же единицей или разными единицами...»³.

Хотя скепсис приведенного высказывания представляется несколько сгущенным, он тем не менее весьма показателен, поскольку выражается сомнение в правомерности безоговорочного отнесения слов, с этимологической точки зрения состоящих из двух знаменательных частей, к числу сложных⁴. Легко обнаружить и другие случаи колебаний в определении словообразовательной природы «интернациональных сложных слов».

¹ Но ср. *англофобия* (см. М. Горький, Открытое письмо к А. С. Суворину, 26 II 1899).

² См. выше стр. 67 о соотносительности *-графия* и *-логия*.

³ А. И. Смирницкий, Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ, «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», вып. 5, 1948, стр. 25.

⁴ Ср. А. И. Смирницкий, Лексикология английского языка, М., 1956, стр. 54 и др.

Так, если в книге «Русский язык» В. В. Виноградов рассматривал слова типа *биология*, *диалектолог*, *славянофил*, *германофоб*, *балетоман* среди суффиксальных образований (стр. 105, 106, 132) и считал возможным говорить о «суффиксальном элементе *-тек-а* в значении: „хранилище, собрание чего-нибудь...“» (стр. 139), то в академической «Грамматике русского языка» (т. I, 1952) он не включает в число суффиксов ни *-лог*, ни *-ман*, ни *-фил* и *-фоб*, ни *-тек-а*¹. Из иноязычных морфем глагольного происхождения как суффикс рассматривается здесь лишь *-фикаци-я* (*-ификаци-я*) (стр. 263). В университетском курсе морфологии современного русского языка (1952 г.) В. В. Виноградов, не касаясь вопроса о природе элемента *-тек-а*, объединяет морфемы *-граф* (*-графия*), *-лог* (*-логия*), *-ман* (*-мания*), *-фоб* (*-фобия*), *-фил* (*-фильство*), *-скоп* (*-скопия*), *-метр* (*-метрия*) как вторые части интернациональных сложных существительных (стр. 128).

Эта эволюция во взглядах нашего ведущего русиста на словообразовательную природу указанных элементов не сопровождалась соответствующей аргументацией. И неудивительно, что — при отсутствии теоретической разработанности относящегося сюда большого круга проблем (например, проблем освоения иноязычных морфем вообще и калькирования в частности) — в диссертационных работах морфемы *-графия*, *-лог*, *-логия*, *-ман*, *-мания*, *-метр*, *-метрия*, *-скоп* и др. под. получают ничего не говорящую компромиссную характеристику как «полуформальные» вторые компоненты сложений.

Можно было бы указать и другие примеры разноречивых оценок морфем рассматриваемого типа. Однако, видимо, достаточно будет ограничиться приведением одного из последних высказываний по интересующему нас вопросу: «К заимствованным суффиксам, — пишет Е. М. Галкина-Федорук, — примыкают широко распространенные в сложных словах опорные корни греческого происхождения *граф*, *фил*, *фоб*, *метр*, *скоп*, морфемы, превращающиеся из самостоятельных корней в суффиксы: *библиограф*, *этнограф*, *лексикограф*, *историограф*; *славянофил*, *русофил*, *англофил*; *женофоб*, *англофоб*; *термометр*, *хронометр*; *телескоп*, *микроскоп*, *спектроскоп*, *термоскоп* и др.»².

Таким образом, существо вопроса сводится, очевидно, к тому, чтобы определить, во-первых, что отличает морфемы типа *-граф*, *-лог*, *-логия*, *-фил*, *-фильство* от обычных вторых частей сложных существительных, во-вторых, действительно ли имеет место процесс превращения таких морфем — «самостоятельных корней» — в суффиксы и, если да, то насколько далеко зашел этот процесс в своем развитии.

*

1. Как появляются в русском языке «интернациональные сложные существительные»? Если это не заимствования, то в большинстве своем они создаются путем своеобразного «обратного калькирования» — при помощи элементов международной терминологии (главным образом элементов греческого и латинского происхождения) — русских словосочетаний, вернее — сочетаний слов, обозначающих те признаки, которые представляются авторам новых терминов наиболее существенными или показательными в новых предметах и явлениях, вовлекаемых в научный, культурный, вообще — жизненный обиход. Такое калькированное сочетание слов затем стягивается в цельнооформленную лексическую единицу, которая грамматически, а также фонетически (и орфографически)

¹ Элементы *-лог* (*-логия*), *-ман* (*-мания*) и *-тек-а* вообще не рассматриваются в академической грамматике ни в разделе суффиксального словообразования, ни в разделе «Словосложение имен существительных».

² Е. М. Галкина-Федорук, указ. соч., стр. 109 (подчеркнуто мною. — В. Г.).

приспосабливается к нормам русского языка, однако со словообразовательной точки зрения можно сказать, что подобные слова создаются по международной («греко-латинской») словообразовательной модели и заимствуются в русский язык из международного лексического фонда, где по существу и завершается сам процесс образования новых терминов.

Именно таким представляется, например, процесс образования И. И. Мечниковым нового для науки термина *фагоцит*: путем своеобразного «обратного калькирования» словосочетания *поедающая клетка* (греч. *φάγος* «пожирающий» и *κύτος* «клетка») и затем объединения греческих основ в единое сложное существительное, которое соответствующим образом транслитерируется и произносится. Подобно этому из греческих и латинских знаменательных морфем в новых языках создается множество «интернациональных сложных существительных». Они возникают сначала в одном из новых языков и затем обычно заимствуются из него другими языками современности непосредственно или через посредство наиболее распространенных и развитых литературных языков. Однако вполне возможно образование одного и того же международного сложного термина, например медицинского, и одновременно в нескольких языках.

В современном русском языке получил также известное распространение смешанный тип образования «обратных полукалек», объединяющий, например, такие случаи, как *ферросплав*, *пъезокварц*, *цитрованиль* и некоторые другие¹. Сюда отчасти примыкают и образования типа *гонокк*, *стрептококк* и под., вторые части которых соотносительны со словами, ныне самостоятельно употребляющимися в русском языке.

Таким образом, «интернациональные сложные существительные» относятся со словосочетаниями современного русского языка не прямо, а опосредствованно, через «обратное калькирование» (или «полукалькирование»). В подавляющем большинстве случаев их компоненты, в частности вторые компоненты, описанные выше, не встречаются в самостоятельном употреблении и не соотносятся со словами русского языка. Поэтому они, естественно, не могут выступать как основы членов словосочетаний. В этом существенное отличие интересующих нас образований с *-граф*, *-лог*, *-логия*, *-фил*, *-фильство* и др. во второй части от обычных сложных существительных, соотносящихся со словосочетаниями русского языка непосредственно, материально, а не только в отношении семантики.

2. Знаменательность морфем типа *-граф*, *-лог* и т. п. для носителей русского языка оказывается значительно более низкой, чем знаменательность вторых компонентов обычных сложных слов (*водовоз*, *живопись*, *паровозостроение* и др.). Точное лексическое значение частей «интернациональных сложных существительных» может быть, как правило, определено лишь по соответствующим двуязычным словарям (или по специальным пометам в толковых словарях), а не из самой структуры русского языка. Тот факт, что многие русские люди знают этимологию и лексическое значение, например, морфемы *-граф*, не может повысить ее объективной знаменательности в русской языковой системе².

Больше того, в значительной степени понижена и грамматическая определенность таких «основ». В самом деле, есть ли основания утверждать, что, например, морфемы *-граф*, *-метр*, *-скоп*, *-фил*, *-фоб* — гла-

¹ От этих слов следует отличать слова типа *телевидение*. Это слово, например, представляет собой полужаимствование — полукальку слова *televisio* (ср. *телевизия*).

² Ср. Р. Ф. Брандт, Несколько замечаний об употреблении иностранных слов, «Изв. Ист.-филол. ин-та кн. Безбородко в Нежине», т. VIII (1883), Москва, Киев и Лейпциг, 1884, стр. 4—5.

гольные?¹ В языке-источнике это, по-видимому, действительно было так, но для русского языка эти морфемы ничем не отличаются от такой морфемы, как *-лог*, обычно не включаемой в число глагольных. С учетом этого обстоятельства выше в одном ряду с такими морфемами были описаны и «явно неглагольные» морфемы *-лог*, *-логия*. Следует отметить, что не всегда легко с уверенностью определить отглагольный или отыменный характер второго компонента и в исконно русских сложных существительных. Так, например, слово *лесовор*, встречающееся у Д. Н. Мамина-Сибиряка (Родительская кровь), едва ли возможно — без учета синтаксиса словосочетаний в уральских говорах — безоговорочно поставить в один ряд с *конокрад* и под., несмотря на всю заманчивость такого сопоставления: других случаев возможного опущения суффикса производящего отыменного глагола (*-ов-*) в сложных существительных этого типа нам обнаружить не удалось. Ср. еще там же: *лесоворный промысел*, «занимается по *лесоворной* части», «тоже не от добра *лесоворничают*».

Едва ли также можно безусловно высказаться в пользу рассмотрения последних компонентов слов типа *Волховстрой*, *Днепрострой* в одном ряду с *домострой*. Если это последнее несомненно возникло на основе глагольного словосочетания, то *Волховстрой* и *Днепрострой* представляются скорее сокращениями словосочетаний *Волховское строительство* и *Днепровское строительство*. Ср. *стройматериалы* из *строительные материалы*.

Однако в подавляющем большинстве случаев для собственно русских сложных существительных колебаний при определении глагольной или именной природы второго компонента не возникает; приведенные выше факты совпадения глагольных и именных основ единичны. Вторые же компоненты «интернациональных сложных существительных» как раз характеризуются неопределенностью в отношении их принадлежности к именным или глагольным основам, поскольку в русском языке они не соотносительны ни с именами, ни с глаголами².

3. Описанный материал сам по себе свидетельствует о продуктивности типа образования названий лиц, предметов и отвлеченных понятий посредством использования иноязычных морфем в процессе «обратного калькирования» и последующего стяжения в одну лексическую единицу русских словосочетаний. Слова, приведенные выше в качестве иллюстраций при описании морфем *-граф*, *-графия*, *-метр*, *-метрия* и под., взятые изолированно, в большинстве своем действительно представляют собой сложные слова, но не обычные для русского языка, как *водовоз*, *самоучка*, *земледелец* и под., а интернациональные — и по морфологическому составу, и по способу и месту образования. В этом смысле термин «интернациональные сложные существительные» является совершенно правильным, так как он отражает их специфику³.

Однако при выяснении словообразовательной природы морфем, подобных описанным выше, необходимо учитывать и то обстоятельство, что некоторые из них получили способность соединяться с исконно русскими основами или с основами слов хотя и нерусского происхождения, но тем не менее прочно вошедших в словарный состав современного русского

¹ См. «Грамматика русского языка», т. I, Изд-во АН СССР, М., 1952, стр. 274.

² Точно так же в системе русского языка никак не дает о себе знать исконно глагольный характер первых частей таких, например, слов, как *периметр*, *плексиметр*, *пнезеварц*, *спирометр*, *трибометрия*, *филолог*, *хореография*, *эбуллиоскоп* и под.

³ Здесь стоит лишний раз напомнить о различиях между словообразовательным и морфологическим анализом. В настоящее время после целого ряда диссертационных и других работ специфика словообразовательного анализа получила всеобщее признание. Однако справедливо, что пока еще «это общее положение редко применяется на практике» (Н. Д. Арутюнова, Некоторые вопросы образования и морфологии основ слова, «Научные доклады высшей школы. Филологич. науки», 1958, № 1, стр. 125).

языка. В качестве примеров достаточно указать, например, на такие слова, как *стеклограф*, *картограф*, *перспектограф* (БСЭ², т. 32, стр. 535), *поездограф* (БСЭ², т. 14, стр. 453); *лексикография*, *кристаллография*, *металлография*; *моментометр* (БСЭ², т. 28, стр. 181), *спектрометр*, *фазометр*, *сахариметр*; *звукометрия*, *магнитометрия*, *алкоголиметрия*; *спектроскоп*; *бронхоскопия*, *дефектоскопия*, *капилляроскопия*; *туркофил*; *славянофильство*; *женофоб*; *диалектолог*, *египтолог*; *вулканология*, *гибринология*, *жаргонология* (ВЯ, 1955, № 4, стр. 13), *курортология*, *паразитология*, *текстология*¹.

Эти примеры, особенно если учесть пониженную знаменательность интересующих нас морфем, отсутствие у них четкой лексико-грамматической характеристики, позволяют говорить о продуктивности соответствующих словообразовательных типов. При этом можно отметить, что образования с *-лог*, *-логия* (ср. просторечные *всеолог*, *болтология* и под.), а также с *-метр*, *-метрия*, *-граф*, *-графия* в общем продуктивнее остальных описанных выше разновидностей².

4. Казалось бы, соответственно степени продуктивности следовало бы говорить и о большей или меньшей суффиксоидности соответствующих морфем. Однако только в отношении морфем *-лог* и *-логия* можно отметить, что в современном русском языке они ничем не отличаются от таких суффиксов, как *-изм* или *-фикация* (*-ификация*), также знаменательного по происхождению, и что с их помощью образуются обычные суффиксальные слова.

Менее очевидна суффиксальность образований с *-граф*, *-графия*, *-метр*, *-метрия*, *-скоп*, *-скопия*, *-фил*, *-фильство*, *-фоб*, *-фобство*³. Причина этого заключается, между прочим, в семантической соотнесенности (хотя и весьма неполной) некоторых из них с знаменательными компонентами сложных существительных типа *-пись*, *-пис-ец*, *-мер*, *-люб*, *-люб-ие*. Ср., например, *скоропись*, *самописец* (БСЭ², т. 27, стр. 295), *уровнемер* (БСЭ², т. 14, стр. 473), *влаголюб* («МХП». Л. Леонов, Русский лес), *добротолюбие* (там же) и под.; любопытно и такое единичное соотношение, как *секундомер* — *секундометрист*.

Тем не менее академическая «Грамматика русского языка» отмечает для морфемы *-фил*⁴ «тенденцию пересходить в большей или меньшей мере в суффиксальный элемент слова» (т. I, стр. 275). И с этим нельзя не согласиться, поскольку факт семантической соотнесенности с знаменательной морфемой представляется менее существенным, чем функциональные моменты, характеризующие морфему *-фил*, а также другие морфемы данного ряда как суффиксальные. И морфему *-лог* следует считать суффиксом не только и не столько потому, что она в какой-то степени соотносительна с морфемой *-вед*, утратившей свою знаменательность и превратившейся в суффикс, а прежде всего потому, что образования с *-лог* могут

¹ Небезынтересно отметить, что в ряде случаев при этом наблюдается своеобразная «вариация основ». Ср., например, *космос* и *космография*, *вибрация* и *виброметр*, *детонация* и *детонометр*, *интерференция* и *интерферометр*, *поляризация* и *поляриметр*, *синхронизация* и *синхроноскоп*, *эмбрион* и *эмбриология* и под. Ср. также *историограф*, *бактериоскопия*, *англофил*, *германофоб*, *эпидемиолог* и т. п. Во всех указанных словах используются непроеизводные для русского языка основы.

² Любопытно такое индивидуальное образование, как *дружбомер*, созданное около ста лет назад [см. Т. Г. Шевченко, Дневник (2 VII 1857), М., 1954, стр. 68]. Ср. *бормотограф* (Н. Носов, Приключения Незнайки и его друзей). У Герцена встречается слово *мовометр* (см. А. Х. Мищенко, Структурно-семантические разряды публицистической лексики А. И. Герцена, сб. «Вопросы изучения русского языка», Алма-Ата, 1955, стр. 269).

³ Морфемы *-филия* и *-фобия*, как правило, не вступают в соединение с освоенными русским языком основами.

⁴ Наряду с *-вед*, *-фоб* и *-носец*. В отношении последней морфемы это наблюдение не кажется нам обоснованным (см. В. П. Григорьев, О границах между словосложением и аффиксацией, ВЯ, 1956, № 4).

возникать аналогическим путем, вне всякой связи со словосочетаниями. К тому же можно найти известное число случаев семантической соотнесенности с суффиксами и других интересующих нас морфем¹.

5. Все изложенное выше позволяет характеризовать целый ряд слов с *-лог*, *-логия*, *-граф*, *-графия* и подобными морфемами во второй части как суффиксальные. Процессы образования «интернациональных сложных существительных» и суффиксальных слов с одной и той же морфемой во второй части идут одновременно, однако тот факт, что морфемы *-лог* или *-фильство* приобретают свойства суффиксов, не мог не привести к переосмыслению и всех других слов с этими морфемами, вошедших в словарный состав русского языка как заимствования или «интернациональные сложные существительные».

За 100 с лишним лет развития у подобных морфем нового качества (ср., например, историю слова *славянофильство*) — суффиксальности — старое их качество не просто сосуществовало наряду с новым, а постепенно сдавало свои позиции, так что в настоящее время можно сказать, что на фоне целого ряда чисто суффиксальных слов с морфемами *-лог*, *-логия*, *-граф*, *-графия* и т. д. все остальные слова с этими морфемами воспринимаются тоже как суффиксальные, со связанными основами.

Как показывает приведенный выше материал, наиболее полное завершение этого процесса мы находим в словах с морфемами *-лог* и *-логия*. Слабее всего этот процесс затронул морфему *-скоп*².

Суффиксами, хотя и значительно менее продуктивными, чем *-лог* и *-логия*, в настоящее время следует считать и упомянутые выше морфемы *-дром*, *-тека*, *-оид*³. Тенденцию к превращению в суффиксы в большей или меньшей степени можно отметить и для морфем *-фон*, *-фор*, *-олеум*, *-тон*, хотя три последние морфемы встречаются всего в нескольких словах⁴.

Своеобразна судьба в русском языке морфемы *-мейстер* (нем. — *meister*). Большинство заимствованных из немецкого языка слов с этой морфемой в настоящее время вышло из живого употребления (*брандмейстер*, *еермейстер*, *квартирмейстер*, *почтмейстер*, *провиантмейстер*, *танцмейстер*, *фехтмейстер*, *церемониймейстер*, *италмейстер* и др.); такова же судьба и немецких слов с этой морфемой, пришедших в русский язык через польский: *бургомистр* и *бурмистр*, *вахмистр*, *кухмистр*, *ротмистр* и под. Однако такие слова, как *капельмейстер*, *концертмейстер*, *хормейстер*, употребительны и сейчас, образования типа *тонмейстер*, *трапмейстер* проникли в русский язык (или возникли в нем) уже в со-

¹ См., например, статью «Металлография» в БСЭ³ (т. 27, стр. 228). Ср. выше стр. 67 (сноска 2).

² Ср. также существительные с морфемами *-стат*, *-цид* во второй части и под., у которых этот процесс — главным образом в силу их редкости — почти совсем неощутим. Но ср. *бактериофаг*, *опиофаг*.

³ У Г. Троепольского в «отчети сатирической» повести «Кандидат наук» (1958) новое слово *флогериод* характеризует лицо.

⁴ Как жаргонный суффикс, вносящий эмоциональный оттенок пренебрежительности, может рассматриваться морфема *-рама* в речи персонажей русского перевода «Отца Горю» и «Обедни безбожника» (О. Бальзак, Собр. соч. в 15 томах, т. 3, М., 1952): *адоросьерама*, *студерама-стужерама*, *Гориорама*, *кол-рама*, *Растиньякорама*, *патриархалорама*, *бутылорамочка*, *полорама*, *дверерама*, *графиня де Ресторам*, *смерторама*. Ср. *панорама* и *идиорама* (греч. *βραα* «вид, зрелище»). Индивидуальные каламбурные образования типа *философия* — *хилософия* (М. Горький, Дело Артамоновых), *ортодоксы* — *вертодоксы* (Л. Леонов, Русский лес), *портвейн* — *проствейн* (В. Шишков, Угрюм-река), эффект которых основан на замене первых компонентов иноязычных, заимствованных сложных слов созвучными русскими морфемами, а также такое слово, как *вечелобиль* (т. е. высокочастотный *автомобиль* — «Лит. газета», 22 II 1955), любопытны тем, что вторые компоненты неологизмов как бы концентрируют в себе значение всего опорного слова. В этом отношении даже знаменитое поприщинское *мартобря* (Н. В. Гоголь, Записки сумасшедшего) внутренне оправдано, в отличие от бессмысленных каламбуров Петрищева: *репетиция* (ср. *репа* — *репо*) — *морковетиция* — *редькотиция* (Л. Н. Толстой, Плоды просвещения).

ветскую эпоху, а встречающееся в просторечии слово *блатмейстер*¹ говорит о потенциальном существовании агентивного суффикса *-мейстер*.

Не получили сколько-нибудь значительного самостоятельного развития образования с иноязычной (ср. франц. *-тан, -таніе*) морфемой *-ман* (*англоман, библиоман, галломан* и — редко — *французоман, меломан, мономан, наркоман, эротоман, эфироман* и под.), которую поэтому не следует выделять как продуктивный суффикс современного русского языка. Точно так же не обнаружила никакой активности омонимичная голландско-немецкая морфема *-ман*: *боцман, лоцман, флагман; флигельман, ратман* и некоторые другие. Однако в слове *нэпман* неожиданно обнаружились ее потенциальные возможности².

Ср. также процесс образования морфемы *-трон* в названиях элементарных заряженных частиц и установок, используемых для их ускорения: *электрон, протон, нейтрон* и *позитрон, мезотрон* (ср. *дейтрон*); *циклотрон, синхротрон, фазотрон* и др. (см. «Правда» 13 VIII 1955).

6. Если факт превращения в суффикс морфемы *-фикация (-ификация)* не подлежит никакому сомнению, поскольку она имеет самое общее значение действия (даже «безотносительно к длительности и характеру течения процесса»³), то признание суффиксами таких морфем, как *-граф, -графия, -метр, -метрия* и т. д., может вызвать то возражение, что степень словообразовательного обобщения, осуществляемого ими, недостаточна. Однако, во-первых, известно, что вообще «в кругу имен существительных неодушевленных, не относящихся к категории отвлеченности, значение суффиксов специализировано, распределено по частным, конкретным рубрикам»⁴; с другой стороны, в современном русском языке нет никаких непреодолимых внутрисистемных препятствий для распространения тенденции к специализации значений и на суффиксы, образующие названия лиц и отвлеченных понятий. Отдельные факты такого распространения указанной тенденции уже можно наблюдать⁵.

Продуктивные образования с *-граф, -метр* и *-скоп* во второй части стали — в основной массе — суффиксальными названиями различных приборов. В связи с развитием автоматики различия между однокоренными названиями с суффиксами *-граф, -метр* и *-скоп* в отдельных случаях стираются, хотя суффикс *-скоп* остается менее продуктивным, чем первые два. В то же время обычно весьма последовательно противопоставляются однокоренные названия приборов с *-граф* и *-метр*; первые из них

¹ Ср. у Л. Соболева в повести «Зеленый луч»: «блатмейстерский дух, блатмейстерство» (гл. 8; в авторской речи!). См. также Н. Г р и б а ч е в, Пришла газета..., «Лит. газета» 5 V 1955.

² Впрочем возможно, что слово *нэпман* возникло первоначально в немецком языке (или в английском. См. В. И. Л е н и н, Соч., т. 33, стр. 363 и сл., особенно стр. 369—370) и было заимствовано отсюда. Образования на *-мания* трудно вывести за пределы словосложения [ср. *латиномания* — И. С. Тургенев, Письмо к А. И. Герцену (6 XII 1856); *планетомания* — «Лит. газета» 23 XI 1957], хотя история этой морфемы в русском языке весьма своеобразна (см. В. В. В и н о г р а д о в, Из истории русской литературной лексики, «Докл. и сообщ. Ин-та русского языка [АН СССР]», вып. 2, 1948).

³ См. «Современный русский язык. Морфология (Курс лекций)», Изд-во МГУ, М., 1952, стр. 124.

⁴ Там же, стр. 110. Ср., например, значение *-тека* в *картотека, фильмотека* и значение *-ница* в *пепельница, сахарница* и под. Слово *тека* не привилось в русском языке. Ср. типичное название переводного произведения в начале XIX в.: «Детская тека или собрание изображений, с краткими описаниями древнего и нового света народов, их нравов, одежд и прочего; так же собрание изображений, с описанием четвероногих, птиц, земноводных, рыб, насекомых, червей, прозябений и прочего», 2-е изд., перевод с франц. М., 1824.

⁵ См. выше, стр. 73. Можно указать еще на морфему *-план* в таких образованиях, как *аэроплан, биплан, моноплан, вертиплан, конвертоплан, ракетоплан, высокоплан* (о самолете «Украина») и *низкоплан* (о самолетах ТУ-140 и «Москва») (см. «Правда» 10 VII 1957).

обозначают, как правило, самопишущие, вторые — просто измерительные приборы.

В ряду названий лиц соотношение морфем *-граф*, *-метр* и *-скоп* существенно иное. Два последних суффикса, как правило, не имеют значения лица. Суффикс *-граф* с этим значением весьма продуктивен, особенно в названиях лиц, занимающихся изучением, описанием различных предметов. Он противопоставляется суффиксу *-лог* в словах *гидролог*, *лексиколог* (ср. *гидрограф*, *лексикограф*) и под. как более широкому по значению, а в ряде случаев выступает со значением столь же широким (ср. *географ* и *геолог*).

Среди суффиксов *-графия*, *-метрия*, *-скопия*, *-логия*, образующих названия научных дисциплин, различных учений, их отделов и частей, а также методов научного анализа, тоже наблюдается известная специализация и соподчиненность. Наиболее широким по значению является суффикс *-логия*, наиболее специальным — *-скопия*. Между ними располагаются суффиксы *-графия* и *-метрия*, причем первый из них в некоторых случаях сближается и даже отождествляется по значению с *-логия* (см. выше), а второй в названиях методов научного анализа тяготеет к *-скопия*.

7. При рассмотрении соотносительных образований на *-граф* и *-графия*, *-метр* и *-метрия*, *-скоп* и *-скопия*, *-лог* и *-логия*, *-фил* и *-фильство*, *-фоб* и *-фобство*, естественно, возникает вопрос, насколько справедливо выделение сложных суффиксов *-графия*, *-метрия*, *-скопия*, *-логия*, *-фильство*, *-фобство* и не следует ли считать, например, слово *историография* образованным от *историограф*, *стеклография* — от *стеклограф*, *антропометрия* — от *антропометр*, *дефектоскопия* — от *дефектоскоп* и т. п. посредством суффикса *-ия* (*-ия*), а слова *славянофильство*, *германофобство* и т. п. — соответственно от *славянофил*, *германофоб* посредством суффикса *-ство*?

В академической «Грамматике русского языка» (т. I, стр. 274—275) безоговорочно, хотя и без каких-либо доказательств, проводится эта последняя точка зрения. Однако в правомерности ее позволительно усомниться. Дело не только в том, что лишь в очень узкой группе слов типа *телефония*, *телеграфия*; *пионерия*, *комсомолия* и под., по-видимому, допустимо выделить продуктивный суффикс *-ия* (*-ия*) с более или менее определенным значением (вопрос о суффиксе *-ия* в современном русском языке, несомненно, нуждается в специальном исследовании), но и в том, что, с точки зрения современных семантико-словообразовательных связей, процессы образования слов того и другого типа идут параллельно, подобно тому как в случаях с морфемами *-вед* и *-ведение*, а также *-вод* и *-водство*.

8. Факт «интернациональности» слов с *-лог*, *-граф*, *-метр* и т. д. во второй части ни в какой мере не должен ослаблять внимания исследователя к специфике их функционирования в конкретных национальных языках, в которых (если не считать искусственных вспомогательных международных языков) они только и могут выступать в нашу эпоху. Между тем даже в последних изданиях «Словаря иностранных слов» под ред. И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова «греко-латинские элементы международной терминологии» характеризуются почти исключительно с общети-мологической точки зрения, без учета их словообразовательной роли в современном русском языке. Этим объясняются разноречивость и произвол в трактовке отдельных «интернациональных элементов» в статьях «Словаря иностранных слов», а также толковых словарей современного русского языка¹.

¹ Ср., например, характеристику таких слов, как *гибридология*, *курортология* в «Словаре иностранных слов»; см. также стр. 779 и сл. Ср. толкования слов типа *стеклограф* в словаре Ушакова. Если в этих словарях словообразовательный анализ «интернациональных слов» должен быть основным, то для справочных изданий, подобных БСЭ, достаточно этимологических справок. Любопытно, однако, что в то время как

*

В заключение — несколько замечаний общего характера. Проблема так называемых интернациональных слов — даже в одном только словообразовательном аспекте, затронутом в настоящей статье, — исторически тесно связана с проблемой заимствований. Изучение этих последних имеет давнюю традицию, огромную литературу и значительные достижения¹. С культурно-исторической и — в ряде случаев — с общелингвистической точек зрения весьма важно и существенно установить время и источник заимствования того или иного слова или словосочетания. Известно, например, насколько остро ставился вопрос о так называемых «германизмах» в древнерусском языке или в русском языке Петровской эпохи и насколько различные выводы культурно-исторического характера, вплоть до прямо противоположных, делались и делаются из предположения того или иного источника заимствования.

Для понятия «интернационализм» эта сторона вопроса имеет подчиненное значение. Хотя вполне правомерны и в определенных целях чрезвычайно важны и диахронические исследования проблемы «интернационализмов», несомненно, что решение этой последней должно опираться в первую очередь на синхронное обследование современного состояния языков мира. Если попытаться отграничить проблему «интернационализмов» от проблемы заимствований, то можно сказать, что центр тяжести первой лежит в будущем, существо же второй — в прошлом (это, конечно, несколько не умаляет ее значения).

То, что сделано в области исследования «интернационализмов», пока имеет характер самых общих разведок, а не широкого, всестороннего и планомерного обследования и анализа весьма разнообразного материала². Мы пользуемся термином «интернациональные сложные слова», но сам термин «интернационализмы» вошел в научный обиход чисто стихийно и до сих пор лингвистически точно не определен. Исследование наличных и усиливающихся «схождений» между самыми различными языками (с трезвым учетом фонетических и семантических «расхождений») позволяет существенно уточнить это понятие, охватывающее те явления в языковой действительности, которые своеобразно отражают социально-экономические и культурные связи в истории различных народов. Учитывая специфику общепристорического и собственно лингвистического развития различных, нередко весьма обширных, территориальных зон, мы по существу вправе говорить — как о массовом явлении — об «интернационализмах» в относительном, а не в абсолютном значении этого термина. Действительно, общемировой лексический фонд (если отвлечься в данном случае от сходства грамматических структур, фонетической и фонологической общности и явлений калькирования) пока ничтожно мал.

С. И. Ожегов в своем словаре не выделяет вообще в отдельную статью, например, морфему *neo-*, БСЭ² дает ей следующее, в целом довольно удачное, определение: «*neo...* (греч. νέος — новый) — приставка, употребляющаяся при существительных и прилагательных в значении «новый» (напр., неологизм, неолит) или «видоизмененный» (напр., неоклассицизм, неодарвинизм)» (БСЭ², т. 29, стр. 420).

¹ Из новейших работ в этой области можно указать, в частности, на обширную монографию L. D e r o u *L'emprunt linguistique* (Paris, 1956; с подробной библиографией) и интересный доклад Л. Г а л ь д и «Слова романского происхождения в русском языке» (М., 1958), подготовленный к IV Международному съезду славистов.

² Хотя литература вопроса об «интернационализмах» довольно обширна, но работы, специально посвященные ему, насчитываются буквально единицами (если не учитывать многочисленных исследований с точки зрения интерлингвистики). Из работ последних лет обращают на себя внимание прежде всего следующие статьи: А. А. Б е л е ц к и й, Об интернационализмах, «Наук. зап. Київськ. ун-ту», т. XIV, вып. II («36. філол. фак-ту», № 8), 1955; V. F r i e d, Mezinárodní slova, jejich shoda a úskali, «Časopis pro moderní filologii», ročn. XXXVIII, č. 4, 5, 1956; В. В. А к у л е н к о, Об интернациональных словах в современном русском языке (К постановке вопроса), «Уч. зап. Харківськ. ун-ту», т. ХСІХ («Труди філол. фак-ту», т. 6), 1958.

Было бы интересно в этой связи проследить за распространением слова *спутник*, с тем чтобы удостовериться, действительно ли это слово вошло «во все языки мира» (по крайней мере литературные), а если нет, то установить факторы, препятствующие в настоящее время созданию подлинных интернационализмов. Это задача достаточно трудная для исследователя даже в отношении одного только слова¹; она неизмеримо усложняется, если ее формулировать как создание словаря «интернационализмов» на основе сопоставления самых различных двуязычных словарей или даже таких лексикографически несовершенных пособий, как «словари иностранных слов». Но трудность решения задачи в целом не может служить аргументом против ее постановки и попыток организации соответствующей работы.

¹ См. G. Kandler, «Sputnik». Zur Geschichte einer Wortung, «Sprachforum», 1958, Hf. 1, стр. 33—43.